

DOI: [10.17805/ggz.2021.4.2](https://doi.org/10.17805/ggz.2021.4.2)

Культура как необходимая роскошь: сопоставление пяти характеристик тезауруса с чертами субъектно-этической эпистемологии Э. Левинаса

О. Л. Куминова

Университет им. Давида Бен-Гуриона в Негеве

(г. Беэр-Шева, Израиль)

Данная статья представляет собой исправленный и дополненный текст доклада на организованных Московским гуманитарным университетом IV Академических чтениях памяти Валерия и Владимира Луковых на тему «Тезаурусы и проблемы культуры» (27 мая 2021 г.).

Автор проводит параллели между пятью характеристиками тезауруса — полнотой, существенностью, систематичностью, ориентирующим назначением и избыточностью — и чертами отношения к Другому, в котором конституируется субъект в философии Эмманюэля Левинаса, прежде всего в его тагмит опис «Тотальность и бесконечное».

Хотя основным предметом исследования в этом труде является субъектно-ориентированная онтология и метафизика, Левинас ставит в центр самого человеческого бытия язык и речь как основополагающую для субъекта этическую позицию лицом к лицу с Другим. Помещение этой этической и языковой конфигурации в центр бытия имеет радикальные последствия для того, как устроено знание субъекта о мире. Это знание не может быть тотальным, всеобъемлющим даже теоретически, и феноменология познания, которую создает Левинас в этой системе, во многом перекликается с теорией тезаурусов братьев Луковых.

Ключевые слова: Э. Левинас; Вал. А. Луков; Вл. А. Луков; тезаурусный подход; тезаурус; тезаурусный анализ

Culture as a Necessary Luxury: Comparison of Five Characteristics of Thesaurus with the Features of the Subjective and Ethical Epistemology of E. Levinas

O. L. Kuminova

Ben-Gurion University of the Negev (Beersheba, Israel)

This article is a revised and supplemented text of the report presented at the 4th Academic Readings in memory of Valery and Vladimir Lukovs (May 27, 2021).

The conference was organized by Moscow University for the Humanities and entitled “Thesauri and Issues of Culture”.

The author draws parallels between five characteristics of the thesaurus — its completeness, relevance, consistency, orienting purposefulness and redundancy — and the features of the relationship to the Other in which the subject is constituted in the philosophy of Emmanuel Levinas, primarily in his magnum opus “Totality and Infinity”.

Although the main subject of the research in his work is subjectively oriented ontology and metaphysics, Levinas puts language and speech (as a fundamental ethical position of the subject face to face with Other) at the center of the very human existence. Placing this ethical and linguistic configuration at the center of being has drastic consequences for how the subject’s knowledge of the world is arranged. This knowledge cannot be total and comprehensive even theoretically. And the phenomenology of cognition that Levinas creates in this system largely echoes the theory of thesauri proposed by the brothers Lukov.

Keywords: E. Levinas; Valery A. Lukov; Vladimir A. Lukov; thesaurus approach; thesaurus; thesaurus analysis

ВВЕДЕНИЕ

Впервые познакомившись с тезаурусным подходом Валерия Андреевича и Владимира Андреевича Луковых совсем недавно, я необычайно обрадовалась встрече с мыслителями, очень близкими мне по духу, предлагающими столь давно и насущно необходимый подход к гуманитарным наукам. И очень огорчилась, что ни с одним из них уже нельзя познакомиться лично.

Если можно, хотелось бы принести в этот научный дом, который они построили, скромное гостевое приношение — сопоставление основных характеристик тезауруса с базовыми терминами философии Эмманюэля Левинаса, которые мне кажутся вытекающими из глубинно сходного подхода к реальности: глубокого, проникающе-внимательного и не ставящего границ пониманию.

Еще одна косвенная, но важная параллель — у Левинаса, как и у братьев Луковых, частью рабочего инструментария является шекспировский словарь характеров и ситуаций. Да и русская литература, особенно классическая проза XIX века, является общей почвой для этих авторов.

Более того, их объединяет то, что я бы назвала *добрым* научным взглядом. Я не знаю, бывает ли добрый, в отличие от недоброго, научный взгляд в физике или биологии, но в гуманитарных областях такая разница, безусловно, существует и вполне доступна ощущениям. У доброго взгляда необязательно есть аналитическое, методологическое преимущество, и я не считаю, что

другие варианты аффективной организации научного познания лишены ценности. Но работы исследователя с таким взглядом, как мне кажется, ближе к тому, что один из моих учителей Теодор Энтони Перри называет литературой мудрости — тексты, способствующие и помогающие жизни (Perry, 1993).

Если перейти к более формальным терминам, субъектно-ориентированная эпистемология Луковых безусловно родственна субъектно-ориентированной онтологии и метафизике Левинаса; более того, я бы сказала, что в обоих случаях теоретизирование о том, что мы знаем, или о том, что существует, опосредовано и обусловлено первичными этическими данностями. В системе Луковых, на мой взгляд, сама сложная, подвижная граница между своим и чужим и ценностное отстраивание от чуждого имеют неотчуждаемо этическую природу; межличностные и межгрупповые отношения дают форму самой системе знания, в которой воспитывается и которую выстраивает субъект. По Левинасу — позицию субъекта, его фундаментальное для всего остального предстояние перед Другим нельзя исключить из понятия об этике, а значит и из онтологии как таковой, и метафизики в целом.

Но и в отношении к эпистемологии Левинас тоже применяет субъектно-ориентированный подход: этическое отношение между мной и Другим предшествует самой возможности что-либо знать о каких-либо объектах, даже просто видеть их и протягивать к ним руку, физически или когнитивно. Познание устроено таким образом, потому что невозможно без языка, а язык — это в основе мое, субъекта, отношение к явлению передо мной Другого.

В моем прочтении этот постулат о языке и познании буквально описывает то, что происходит на заре становления субъекта, в отношениях между младенцем и матерью, т. е. первовоспитателем. Присутствие матери — необходимое условие *и* начала познания мира, *и* обретения языка. Первые попытки речи, первые коммуникативные жесты уже сразу обращены к лицу Другого — как реакция на появление лица Другого надо мной, субъектом, которого до сих пор не было, которого это лицо первого друга вызывает из небытия. В терминологии тезаурусного подхода можно было бы сказать, что это первое «чужое» (в отличие от голоса матери, входящего в сферу «своего» еще до рождения), которое нарождающийся субъект должен сделать своим.

Мир, окружающий субъекта, всегда представляет собой некое целое для него — более или менее связное. (Степень этой связности берется за основную переменную, от которой зависит буквально физическое здоровье и устойчивость к потрясениям в теории о «чувстве связности» моего академического земляка Аарона Антоновского (см., например: Antonovsky, 1996) — он заведовал кафедрой общественного здоровья в медицинской школе нашего универ-

ситета — но это тема для другой работы). Эта целостность и связность отражаются в подробном определении, данном в монографии Луковых «Тезаурус: субъективная организация гуманитарного знания» (2008): «Полнота, существенность, систематичность и ориентирующее назначение составляют четыре базовые характеристики тезауруса. Пятую — противоречащую им и одновременно их дополняющую — составляет такое свойство тезауруса, как *избыточность*» (Луков В., Луков Вл., 2008: 66; курсив источника. — О. К.). Возможно, эти же фундаментальные свойства целостности и связности объясняют и предложенную А. В. Луковым фрактальность тезауруса — то, что по одной части можно воспроизвести целое, как по нескольким фразам ученика в ответе на экзамене можно составить представление о его знаниях в целом, а по прочитанной странице — понять, стоит ли читать весь роман (Луков А., 2008: Электронный ресурс).

В этой статье я кратко проведу параллели между пятью характеристиками тезауруса — полнотой, существенностью, иерархической структурой, ориентационностью и избыточностью — и чертами отношения к Другому, в котором конституируется субъект у Левинаса. В конце я более подробно остановлюсь на пятой черте тезауруса, избыточности, и ее парадоксальном отношении к первой, полноте. Это отношение начинает играть новыми красками в сопоставлении с таким же парадоксальным отношением между полнотой бытия субъекта «у себя дома» — *chez soi* — и метафизической предельностью и переливанием через край, связанными с понятием внешнего, привносимого Другим, в «Тотальности и бесконечном» (Левинас, 2000; Levinas, 1969).

ЯЗЫК, ДРУГОЙ И СУБЪЕКТНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Итак, полнота, существенность, систематичность, ориентирующее назначение и избыточность — все эти черты тезауруса можно проследить в чертах становления субъекта в языке, т. е. в предстоянии перед Другим. И в «Тотальности и бесконечном», и в «Иначе, чем быть» (Levinas, 1998) понятие просто «бытия» субъекта в полемике с М. Хайдеггером денонсируется и замещается становлением субъекта лицом к лицу с Другим. Я отвечаю на присутствие, появление Другого, и это то, что делает меня субъектом. Отвечать — это отношения языка в отличие от отношений обозревания, обладания, пользования, в пределе — убийства, в которых мы находимся с прочими сущностями и объектами, составляющими мир «у нас под рукой». Как пишет Левинас, «мир — это то, что нам дано» (Левинас, 2000: 22).

Казалось бы, ситуация, когда субъект находится один в центре данного ему мира, должна быть первичной, и такова она у Хайдеггера. Но Левинас принимает во внимание тот факт, что субъект не появляется из земли готовеньким. Субъект возникает, отвечая на появление Другого, в отношениях языка, и уже в них, а не до них, возникают и располагаются все эти черты бытия, в том числе и отдельность, самодостаточность пребывания «у себя дома». С этого понятия удобнее всего начать, так как оно параллельно тому, что в теории тезауруса называется полнотой.

Полнота. Полнота тезауруса, на мой взгляд, соответствует понятию экономической полноты пребывания субъекта «у себя дома», хорошо выраженной в поговорке «дом — полная чаша». В «Тотальности и бесконечном» пребывание субъекта «у себя дома» очерчивают сферу «своего», не только в материальной, но и в познавательной сфере. Возможность взять вещь в руку — «все под рукой» — возникает вследствие концентрации на ней взгляда, которому она доступна; эта связь определяет знание как обладание.

Больше того, дом как сфера «своего» обладает полнотой и конечным статусом достаточности: он не является средством. Как пишет Э. Левинас, «формулировка “дом — это средство жительства” совершенно неправильна; во всяком случае, она не учитывает того исключительного места, которое ощущение “у себя дома” занимает в жизни человека, принадлежащего к оседлой цивилизации...» (там же: 25). На мой взгляд, это исключительное место Левинас связывает как раз с ролью дома как центра известного мира, места начала познания и центра «своего» в организации личного тезауруса. Дом как физическое и ментальное место, где я живу, полон, потому что он достаточен для моей жизни.

Существенность. Вторая характеристика — существенность. В контексте сравнения с терминологией Левинаса мне больше нравится ее другая лексическая альтернатива — *ценность*, звучащая в слове «тезаурус», одно из значений которого — сокровищница. Что является источником ценности? Вопрос, фигурально выражаясь, на миллион долларов. Хотя на самом деле, конечно, ценность денег только фигурально отсылает к этому источнику и в лучшем случае производна от него. В описании экономической полноты бытия субъекта «у себя дома» Левинас использует слово «ценность» в связи с интенцией, намерением или, даже точнее, *желанием* субъекта по отношению к вещам:

«...в мире мы имеем дело с вещами. Если, беря на себя мгновение, мы безвозвратно обязуемся существовать в чистом событии, не отсылающем к какому-либо существительному, вещи, то в мире на смену перипетиям действия бытия, бытия-глагола, приходят существительные в сопровождении прилагательных, вещи бытия, обладающие ценностью, ждущие наших намерений. Быть в мире значит быть привязанным к вещам. “Я из тех, для кого внешний мир существует”. Теофиль¹ Готье выражает радостный вкус к вещам, составляющий бытие в мире.

Понятие намерения наиболее точно выявляет эту связь. Но его нужно воспринимать не в нейтральном развоплощенном смысле, в котором оно фигурирует в средневековой философии и у Гуссерля, но в общепринятом значении, включающем стимул желанья» (Левинас, 2000: 21; курсив источника. — О. К.).

Как и с субъектно-обусловленной, позиционной существенностью тезауруса первоисточник материальной ценности, связанной с экономикой, т. е. домостроительством, — это отношение живого, чувствующего и желающего субъекта к объектам, которые могут и должны быть доступны.

Но даже не зная Левинаса, можно заподозрить, что что-то в этой полноте еще недостаточно полно, как-то не может ценность исчерпываться и измеряться словами «Я хочу вот это». И действительно, мир субъекта, при всей его самодостаточной отдельности, без которой невозможно и ничего внешнего ей, никогда не заканчивается своими номинальными границами. Также и тезаурус не может включать только «свое» — он необходимо должен в какой-то форме включать и «чужое». Это переводит нас к следующим двум характеристикам: систематичности и ориентирующему назначению тезауруса.

Систематичность. Парадоксально и загадочно звучат высказывания в «Тотальности и бесконечном» о том, что «совершенно безмолвный мир, который приходил бы к нам не через слово — пусть обманчивое, — был бы миром ан-архичным, миром без принципа и без начала» (Левинас, 2000: 120). По мнению философа, «абсолютно безмолвный мир, безразличный к слову, никогда не произнесенному, молчащий молчанием, которое не позволяет прозреть за тем, что видится, никого, кто извещал бы об этом мире и этим извещал о себе... мир столь молчаливый не мог бы даже являть себя как зрелище» (Levinas, 1969: 94; перевод мой. — О. К.; см. другой вариант перевода: Левинас, 2000: 123).

¹ Исправленная опечатка. В источнике: «Теофиля».

Для философского стиля Левинаса характерна поэтическая стройность, насыщенность и афористичность, поэтому, цитируя переводы его текстов на русский язык, я не всегда могу удержаться от собственных поправок, чтобы лучше передать его невероятно компактную, многогранную мысль. Даже само слово «стройность» по отношению к языку связано с систематичностью, иерархической организацией знания.

Утверждение Левинаса, что человек не может видеть мир, если в нем никогда не появляется обращающийся к нему Другой, кажется мне дополнительным, прилежащим к постулату о тезаурусе как определенном субъектно-организованном словаре, без которого восприятие мира невозможно. В вышеприведенных цитатах организующим ориентиром является лицо Другого, организующей осью — мое положение лицом к лицу с ним. Отсюда мы необходимым образом переходим к ориентирующей функции.

Ориентирующее назначение. Важно, что в системе Левинаса эта ось имеет и вертикальное измерение, градиент бытия по направлению Другому. Другой всегда стоит выше меня, и именно уважение, которого требует сам факт его явления, а отнюдь не физическая гравитация, придает миру измерение высоты. Эта ориентационная формула, на мой взгляд, тоже может быть интересным соседством для тезаурусного подхода. Иерархичность или систематичность тезауруса могут быть органично дополнены измерением высоты, которое тоже относится к категории ориентационности.

Из феноменологического анализа реальности субъекта лицом к лицу с Другим, который предлагает Левинас, следует нечто важное для тезаурусной теории. Если среди «чужого» появляется Другой, приходит в мою реальность со стороны «чужого», это задает какую-то постоянную динамику внутри моего тезауруса, постоянное возмущение, поступление энергии извне. Другой своим явлением требует этически трансформировать мое отношение к нему; он радикально выделяется из прочего «чужого», которое не имеет лица, не говорит со мной и может быть просто напрямую экономически и когнитивно освоено.

Таким образом, конструкция «свое — чужое» и претворение амбивалентности в основополагающее для человека измерение высоты присутствует в человеческом бытии на атомарном уровне, на уровне каждого личного взаимодействия, начиная с самого первого. Уже на начальных этапах становления личности амбивалентность младенца по отношению к матери, описанная у Мелани Кляйн (Klein, 1975), должна претвориться в исполнение заповеди «Чти отца своего и мать свою». Отношения с самым первым Другим, матерью или

первовоспитателем, уже потенциально несут в себе измерение высоты, которое в пределе принимает высочайшую форму отношений с Другим, связь со Всевышним.

Таким образом, в проекции на понятийную карту субъектно-этической онтологии и эпистемологии Левинаса первые четыре свойства тезауруса выглядят абсолютно неразрывно и органично связанными. Мне это наложение карт помогло понять, как эти свойства необходимым образом вытекают одно из другого.

ПОЛНОТА И ИЗБЫТОЧНОСТЬ

Очень важным мне кажется парадоксальное отношение между полнотой и избыточностью, первой и последней из характеристик тезауруса согласно Луковым. Это поэтический, основополагающий парадокс, без которого, по моему убеждению, никакое гуманитарное знание существовать не может. Вот на этом отношении и на характеристике избыточности я бы хотела остановиться особо.

В монографии Вал. А. и Вл. А. Луковых о тезаурусном подходе она определяется так:

«Избыточность как свойство тезауруса выступает как своего рода защитный механизм от застоя и его неизменного следствия — деградации. Возможность сочетать в ориентационном комплексе полноту (достаточность) знаний, составляющих тезаурус, с лишними знаниями в смысле их избытка для целей ориентации субъекта в окружающей среде предопределяет вариативность многого в поведении и размышлениях людей, готовит почву для проявлений любопытства, легкомыслия, романтизма и т. п. В любви и дружбе это свойство тезауруса получает широкий простор для развития, оно в полном смысле слова расцветает. В функциональном отношении оно, так сказать, ортогонально четырем другим основным свойствам тезауруса, оно если не антисистемно, то по крайней мере несистемно, хотя находится с системой в одном поле и связано множеством взаимопереходов. Оно придает живость, динамику тезаурусу и делает его менее предсказуемым и потому более загадочным и интересным» (Луков В., Луков Вл., 2008: 66).

В этом поэтичном описании подчеркивается как бы «необязательность» категории избыточности — но при этом, что парадоксально, она не отменяется и присутствует в жизни постоянно, как все, что с ней связано — дружба, любовь, любопытство, легкомыслие, игра.

В субъектно-этической эпистемологии Левинаса тоже существует похожее парадоксально-дополняющее отношение между полнотой бытия субъекта у себя дома (в материальной реальности) и метафизическим переливанием через край при вполне обычном, повседневном соприкосновении с бесконечным, которое всегда являет себя в лице Другого.

Как пишет Левинас, «разумеется, отношение к бесконечному не может быть выражено в понятиях опыта, поскольку бесконечное выходит за пределы мышления, которое его мыслит. В этом переливании через край как раз и производится (*se produit*) сама его *бесконечность*, так что об отношении к бесконечному следует говорить, оставив в стороне понятия объективного опыта. Но если опыт означает связь с абсолютно иным — то есть с тем, что постоянно выходит за пределы мышления, — то связь с бесконечным есть преимущественно опыт» (Левинас, 2000: 69–70).

Отношение между полнотой и избыточностью тезауруса подобны отношению между полнотой бытия субъекта «у себя дома» и переполнением, переливанием через край, которое привносит высокое присутствие того, кто снаружи. Дело даже не просто в защите от застоя и деградации: тезаурус не должен сам оправдывать свое существование; смысл его поддержания и развития, смысл существования субъекта не должен быть замкнут сам на себя. Такова природа смысла — означающее не может быть тождественно означаемому. Смысл, для чего возделывать свой сад, копить свое сокровище, лежит за пределами и сада, и сокровища — они где-то у Другого, где-то снаружи от меня. Поэтому избыточность тезауруса, расцветающая в любви и дружбе, — не роскошь. Точнее это роскошь, но такая, без которой и самая скудная достаточность непредставима. Эта роскошь и есть культура, без которой базовая экономика, казалось бы, являющаяся ее фундаментом, оказывается невозможной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как писал Б. Ф. Поршнев в предисловии к своему главному труду «О начале человеческой истории», «в гуманитарных науках для того, чтобы достигнуть объективной истины, надо относиться к объекту субъективно» (Поршнев, 2017: 22). В этом предисловии ученый практически призывал, еще пятьдесят лет назад, составлять карту существующего знания, чтобы каждый исследователь имел более четкое представление о своем месте на этой карте, а не только вслепую копал вглубь в своей области. Как ни странно (хотя вряд ли это странно), социально-конструктивистская мысль обращает свой взгляд на себя в последнюю очередь. Но плоды этой рефлексии открывают новые

горизонты знания и понимания, дают новые исследовательские инструменты, каковым является и теория тезаурусов.

В этом кратком наброске я попыталась продемонстрировать потенциал наложения друг на друга понятийных карт тезаурусной теории и субъектно-ориентированной онтологии и эпистемологии Эмманюэля Левинаса. Мне представляется, что такое сопоставление не только взаимно освещает обе системы, но и делает вклад в нахождение работы братьев Луковых на карте мировой гуманитарной и общественной мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Левинас, Э. (2000) Избранное. Тотальность и Бесконечное / пер. с франц.: И. С. Вдовина, Б. В. Дубин, Н. Б. Маньковская, А. В. Ямпольская ; сост. С. Я. Левит ; отв. ред. Г. М. Тавризян. М. ; СПб. : Университетская книга. 416 с.

Луков, А. В. (2008) Фрактальность тезаурусов // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». № 9 — Комплексные исследования: тезаурусный анализ мировой культуры. URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Lukov_fractality/ [архивировано в [Wayback Machine](#)] (дата обращения: 01.06.2021).

Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурусы: субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 784 с.

Поршневу, Б. Ф. (2017) О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). 2-е изд. М. : Академический проект. 542 с.

Antonovsky, A. (1996) The salutogenic model as a theory to guide health promotion // Health Promotion International. Vol. 11. No. 1. P. 11–18.

Klein, M. (1975) Envy and gratitude and other works, 1946–1963 / ed. by R. Money-Kyrle et al. L. : Hogarth Press ; The Institute of Psycho-Analysis. vii, 365 p.

Levinas, E. (1969) Totality and infinity: An essay on exteriority / transl. by A. Lingis. Pittsburgh : Duquesne University Press. 314 p.

Levinas, E. (1998) Otherwise than being or beyond essence / transl. by A. Lingis. Pittsburgh : Duquesne University Press. xlviii, 205 p.

Perry, T. A. (1993) Wisdom literature and the structure of proverbs. University Park, PA : Pennsylvania State University Press. xvi, 134 p.

Дата поступления: 28.05.2021 г.

REFERENCES

Levinas, E. (2000) *Izbrannoe. Total'nost' i Beskonechnoe [Totalité et Infini: essai sur l'extériorité = Totality and infinity: An essay on exteriority]* / transl. from French by I. S. Vdovina, B. V. Dubin, N. B. Mankovskaia and A. V. Iampolskaia ; comp. by S. Ia. Levit ; ed. by G. M. Tavrizian. Moscow ; St. Petersburg : Universitetskaia kniga Publ. 416 p. (In Russ.).

Lukov, A. V. (2008) Fraktal'nost' tezaurosov [Fractality of thesauri]. *Elektronnyi zhurnal "Znanie. Ponimanie. Umenie"*, no. 9 — Kompleksnye issledovaniia: tezaurusnyi analiz mirovoi kul'tury [Comprehensive studies: The thesaurus analysis of world culture]. [online] Available at: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Lukov_fractality/ [archived in [Wayback Machine](#)] (accessed 01.06.2021). (In Russ.).

Lukov, V. A. and Lukov, V. A. (2008) Tezaurusy: sub"ektnaia organizatsiia gumanitarnogo znaniia [Thesauri: The subjective organization of humanities knowledge]. Moscow : The National Institute of Business Publ. 784 p. (In Russ.).

Porshnev, B. F. (2017) *O nachale chelovecheskoi istorii (problemy paleopsikhologii) [On the origin of human history (Issues of paleopsychology)]*. 2nd edn. Moscow : Akademicheskii proekt Publ. 542 p. (In Russ.).

Antonovsky, A. (1996) The salutogenic model as a theory to guide health promotion. *Health Promotion International*, vol. 11, no. 1, pp. 11–18.

Klein, M. (1975) *Envy and gratitude and other works, 1946–1963* / ed. by R. Money-Kyrle et al. London : Hogarth Press ; The Institute of Psycho-Analysis. vii, 365 p.

Levinas, E. (1969) *Totality and infinity: An essay on exteriority* / transl. by A. Lingis. Pittsburgh : Duquesne University Press. 314 p.

Levinas, E. (1998) *Otherwise than being or beyond essence* / transl. by A. Lingis. Pittsburgh : Duquesne University Press. xlviii, 205 p.

Perry, T. A. (1993) *Wisdom literature and the structure of proverbs*. University Park, PA : Pennsylvania State University Press. xvi, 134 p.

Submission date: 28.05.2021.

Куминова Ольга Леонидовна — доктор философии (PhD), адъюнкт лектор кафедры зарубежной литературы и лингвистики Университета им. Давида Бен-Гуриона в Негеве (г. Беэр-Шева, Израиль). Эл. адрес: kolga@bgu.ac.il

KUMINOVA Olga Leonidovna, PhD, Adjunct Lecturer, Department of Foreign Literatures and Linguistics, Ben-Gurion University of the Negev (Beersheba, Israel). E-mail: kolga@bgu.ac.il

Для цитирования:

Куминова О. Л. Культура как необходимая роскошь: сопоставление пяти характеристик тезауруса с чертами субъектно-этической эпистемологии Э. Левинаса [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2021. № 4. С. 35–46. URL: <https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1525> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: [10.17805/ggz.2021.4.2](https://doi.org/10.17805/ggz.2021.4.2)